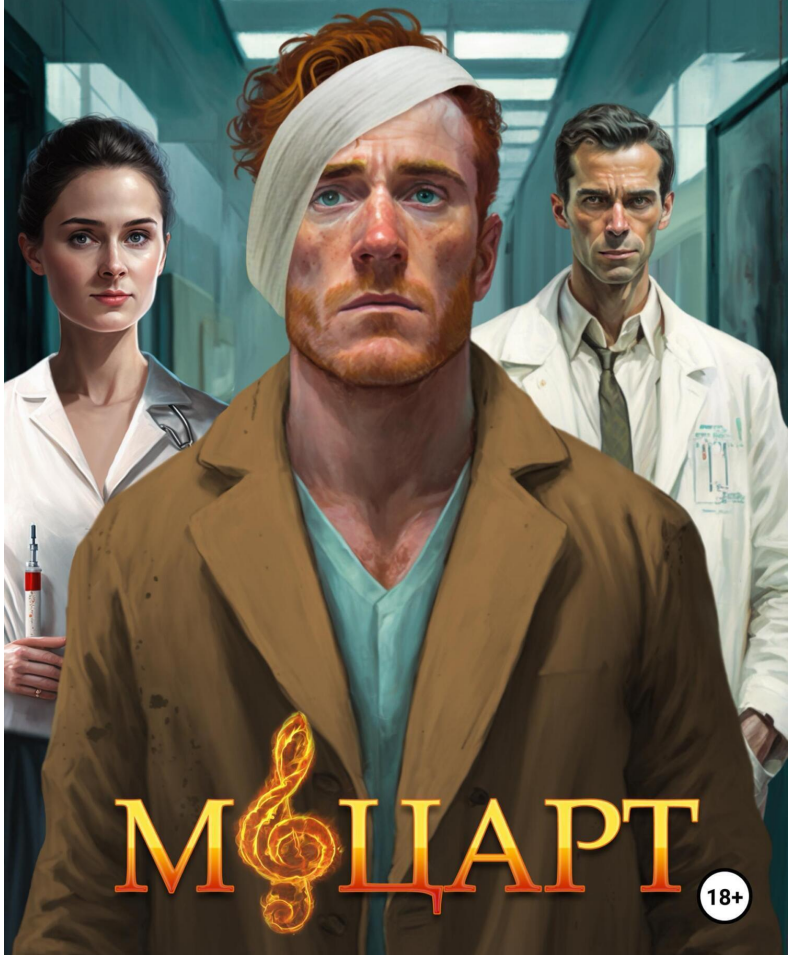

Валентин Пичугин

М ЦАРТ

18+

Валентин Николаевич Пичугин

Моцарт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69037273

SelfPub; 2023

Аннотация

Говорят, что ум россиян сосредоточился в городах, однако душа народная так и осталась в деревне. Юрка Верди по прозвищу Моцарт сетует на свою несчастливую жизнь. Не добавляет радости и неожиданная травма уха, вынуждая его обратиться к врачам, от помощи которых бог миловал с детства. Рассказ повествует об одном эпизоде из жизни сельского жителя, ставшего внезапно счастливым, несмотря на обстоятельства.

Валентин Пичугин

Моцарт

– Да что же я такой несчастный? – Юрка Верди, по прозвищу Моцарт, тряс головой, подпрыгивая на одной ноге, словно пытался избавиться от воды, попавшей в ухо, как это бывает обычно после долгого ныряния в сельском пруду.

– Что ты, как кузнечик дёргаешься? Я тебе говорю, надо воздух в себя набрать, а нос зажать и попытаться через уши выдохнуть. Это у тебя барабанная перепонка внутрь вогнулась, а надо её разогнуть назад, – сердобольно поучал его присевший на корточки Витька, друг детства, он же и один из виновников Юркиного несчастья, вызвавшийся помочь сварщику заварить течь в бензобаке. Но, то ли бак пропарили плохо, то ли ещё по какой причине, а только бабахнуло знатно, оставив горе-мастеров ошарашенно сидеть возле своего творения. Зато досталось Юрке, загнавшему в ангар свой «Муравей» для мелкого ремонта.

– Иди ты, знаешь куда? Я тебе что, человек-амфибия? Сам-то пробовал ушами дышать? Может ещё глазами слушать научишь? – злился Верди, продолжая вытряхивать поселившийся в голове звон, словно тысячи цикад целым роем завели свой нескончаемый концерт, сквозь который не было ничего слышно. Оставалось второе ухо, но оно функциони-

ровало только в направлении говорящего, и то с погрешностями, поскольку сорвавшийся в прошлом году тяжёлый гаечный ключ угодил незадачливому работяге по скуле, стряхнув молоточек с наковальни в Юркином многострадальном слуховом аппарате.

Витька обиженно поднялся, отряхивая колени от цементной пыли:

– Если хочешь знать, нас, глубоководников, когда я служил, учили дышать всеми возможностями организма в экстремальной ситуации. Не можешь ртом, дыши носом, не можешь носом ...

– Ага, то-то я смотрю ты в бане тренируешься задницей в тазу кислород поглощать, – огрызнулся Верди, обессилив от бессмысленных телодвижений, и, передразнивая, добавил. – Глубоководник! Что-то ты зачастил к соседской Людке нырять, смотри, не утони у неё под юбкой.

Витька, несмотря на свои сорок лет, продолжал оставаться неженатым, смущая сельских девок, задержавшихся с замужеством. Юрка, напротив, первый раз влюбившись, так и прикипел к своей Варваре, но если быть точным, то Варька спеленала его тёпленьким, объявив о будущем наследнике через месяц их гуляний под луной.

Но, несмотря на различия в семейном статусе, они продолжали оставаться верными друзьями, готовыми по первому зову прийти друг к другу на помощь, а то и сообразить на двоих, поочерёдно дегустируя выгнанную к празднику са-

могонку.

– Поэтому я на плаву, поскольку науку выживания изучил, – парировал приятель. – А ты в первый заход к Варьке захлебнулся и ко дну пошёл. Ладно, Моцарт, давай думать, что с тобой дальше делать.

Не повезло Юрке с фамилией. У всех она, как у людей – Иванов, Петров, Сидоров. Взять хотя бы Витьку Рокосова, ребята пытались его на известного маршала переименовать, но, нет, слишком длинная кличка получилась, потому и не прижилась. Или второй сварщик, который бензобак с Витькой пытался заварить, а теперь сидит возле своего «искусства» и хохочет, так у него фамилия Сыров, и кличка соответственная – Сырок. «Что же у меня так, не по-человечески?» – думал Юрка, продолжая подпрыгивать и ковырять мизинцем в ухе.

Он пытался у матери узнать, что за композитор его сделал, но она только отмахнулась от глупых вопросов, зато Варвара при каждом удобном случае норовила побольнее уколоть, мол, папаша его из цыган, торгует на базаре в райцентре скобяными изделиями. Было дело, ездил как-то он в тайне от жены на рынок, узнал, где тот цыган торгует мотыгами, да цепями, полюбовался издали на бородатого смуглого мужика. «Какой же он мне отец, когда у него ни веснушек, ни рыжего вихра нет?» Однако, чтобы окончательно убедиться в своей правоте, подошёл поближе и встал рядом, продолжая лупить на торговца, который, заподозрив неладное, пере-

ложил товар подальше от подозрительного типа.

– Чья картошка? – краснощёкая бабка оттопырила край мешка, стоящего перед Юркой. – Кто, спрашиваю, продавец?

Он прервал изучение личности бородатого «папаши» и огляделся по сторонам, ища глазами хозяина мешка, а потом неожиданно брякнул:

– Ну, моя.

– А чего же ты отвернулся от неё, коли приехал торговать, так торгуй! – скомандовала покупательница, протягивая пластиковое ведёрко. – Да с верхом насыпай, не жалея на поход, а как уступишь, так быстро продашь свой урожай, у меня рука лёгкая.

На громкий разговор собралась очередь желающих затовариться. Когда в мешке оставалось чуть меньше ведра, объявилась хозяйка, дородная баба, смахивающая обличем на гоголевскую Солоху:

– Караул! Да что же это делается?! Среди бела дня! Только на минуту свой товар оставила!

– И я говорю, трётся тут, честным людям страшно жить стало, – вторил ей цыган, страшно картавя и вытягивая шею, напоминая Юрке соседского петуха, которому он однажды натёр «выхлопную трубу» жгучим перцем за разворошённые грядки с луком. Помнится, петух, так же, как и цыган, косил глазом при каждой нечаянной встрече и вытягивал шею, вспоминая об учинённой над ним экзекуции и обходя «ком-

позитора» за версту.

Сосед год не разговаривал с Моцартом, обижаясь за петуха, пока сам не порешил вредоносную птицу, поклевавшую внучку, приехавшую на каникулы в деревню.

На скандал собралась приличная толпа рыночных зевак, успевшая до прихода полиции рассказать уйму историй о мошенниках, орудующих на базаре. При этом они тыкали в Юрку пальцем, обещая устроить самосуд, если власть не предпримет нужные меры.

– Да на фига мне ваша картошка, у меня своей в погребке завались, – отбивался он от особо ретивых обличителей, грозящих ему всеми немыслимыми карами. Вспомнили даже бочку с дерьмом и пухом, хорошо, что про янычарскую саблю забыли.

– Расстреляем, – успокоил возбуждённую толпу подошедший участковый, – в крайнем случае сошлём на Колыму. Кто тут у нас свидетель гангстерского налёта? Спрашиваю ещё раз очевидцев разбоя: кто что видел?

При этом служитель порядка раскинул руки в стороны, словно пытался обнять жаждущих возмездия людей, напоминая при этом статую Христа над Рио-де-Жанейро.

После его вопроса толпа растаяла так же быстро, как содержимое мешка картошки, которая, как выяснилось позже, была тайком выкопана предприимчивой бабёнкой с фермерского поля. Та заливалась сухими слезами в отделе полиции, куда привели всю троицу, утираясь при этом носовым плат-

КОМ.

Вскоре Верди с цыганом отпустили, озвучив на дорожку дежурную фразу – «за отсутствием состава преступления», и, добавив, чтобы больше так не делал.

Но главное было в другом: Юрка познакомился с «батей». Тот долго хохотал, рассказывая по пути на базар, что никакой он не цыган, а молдаванин, и фамилия его не Верди, а Вердин Думитру, Митька по-нашему, и к рождению Юрки никакого отношения не имеет, поскольку приехал в Россию недавно из-за отсутствия работы в Молдове. В честь знакомства он подарил Юрке кованную тятку с коротким деревянным черенком и пригласил в гости, как будет время ...

– Моцарт, может тебе в больницу съездить? – предложил подошедший Сырок.

Вся загвоздка была в том, что Юрка никогда в больнице не был, если не считать факт рождения, да и то, мать говорила, что появился он на свет в санях, не доехав до роддома несколько сот метров.

У Юрки не болели зубы, не воспалялись гланды, не тревожил аппендицит. У него не болело ничего. Первое и последнее знакомство с медициной состоялось в четвёртом классе, когда его пытались оторвать от батареи отопления, чтобы сделать прививку. Физкультурник, трудовик и медицинская сестра тянули Юрку в разные стороны так, что казалось, ещё немного и они разорвут его на части. Как ему удалось тогда вырваться, он не представлял, но помнил, что выбежал из

школы и упал на дороге с криком: «Люди добрые, спасите, убивают!»

Отстали тогда от него местные эскулапы, махнули рукой, погрузились в карету с красными крестами на боках и уехали, обещая больше не тревожить.

Бог миловал, почти сорок лет они держали данное слово, пока Юрке не приспичило самому задуматься о помощи.

– В медпункт тебе надо, Юрок, – было видно, что Витька всерьёз озаботился состоянием друга. – Я бы тебя поправил, если дал как следует в другое ухо, только помню, что оно у тебя тоже зашибленное.

– Нет там никого, медичка на курорт уехала, – Сырок отверг предложение Витьки. – Может стакан водки выпить? Говорят, что помогает.

– Меня без водки тошнит, – поморщился Юрка, с трудом соображая, что дальше делать.

– Я и говорю, выпей стакан, может вырвет. Тогда точно полегчает, – не сдавался Сырок, настойчиво рекомендуя рецепт, испытанный временем.

Подошёл водитель «ГАЗели», потерявший дар речи после взрыва бензобака, который он доверил починить двум «чуждакам». Пока Юрка прыгал на одной ноге, шофёр оглядел бак, ставший похожим на детородный орган. Вскоре красноречие вернулось к нему в виде причудливых словосочетаний, которые не встретишь ни в одном словаре. Приправленные ненормативными морфемами обороты так и лились

непрерывным потоком на головы Витьки и Сырка, которые не были сильны в познании абстрактных языковых единиц «великого и могучего». Когда запал четырёхэтажных эпитетов иссяк, владелец изуродованного взрывом бензобака пошёл к друзьям и внёс свою лепту сочувствия и участия.

– За каким ты здесь стоял?! – крикнул он Юрке в оглохшее ухо. – Не мог свой драндулет чинить в другом месте?

– А? – откликнулся тот, разворачиваясь к собеседнику другим ухом.

– А! – пострадавший махнул рукой и обратился к сидящим рядом друзьям. – Кто будет расплачиваться со мной за это б..., безобразие, уроды?

– Успокойся, нашёл из-за чего переживать, – Витька ткнул пальцем в приятеля. – У Моцарта контузия, он мог бы на небеса взлететь. А бак чей? Твой! Значит, тебе и отвечать. Глянь, какая красавица!

Он указал на развороченную ёмкость и снова захохотал:

– Щас Сырок ей зубы подрисует, прикрепи на крышу кабинки, гарантирую, все будут дорогу уступать.

Водитель взъярился и шагнул к Витьке.

– Стопэ, мы сейчас тебе бак с другой машины снимем и поедешь, куда хотел. От КАМАЗа подойдёт? Там горючки побольше входит.

– Ладно, мужики, я домой поеду, что-то мне хреново. Мастер с обеда придёт, скажете ему, что заболел, – Юрка завёл мотороллер и вырулил из гаража по направлению к дому,

поднимая клубы жирной июльской пыли и распугивая зазевавшихся кур, что-то выбирающих в придорожной траве.

«Взять, к примеру, Гагарина. Сразу видно – человек создан для полёта, ведь гагары летают. Или Циолковский, цены человеку не было, дорогу к звёздам открыл. И фамилия соответствующая, похожая на целковый. А Королёв? – Верди «оседлал» космическую тему, перебирая в уме известных людей. – А вот Иуда Искарриот похож на идиота, а чем ещё объяснить убийство бога?»

– Эй, Моцарт, куда так спешишь? – прервала мысленные аналогии Нюрка Квасова, живущая неподалёку от его дома.

– А? – притормозил он мотороллер и остановился.

– До дома, говорю, подбрось! Не видишь, что полные руки с продуктами? – Женщина забросила пакеты в кузов и забралась следом. – Да не гони, как сумасшедший, у меня там банки, не хватало бы их ещё разбить.

– Нюр, у тебя какая в девках фамилия была? – Юрка включил скорость и плавно тронулся с места.

– Занудина, ты забыл, что ли? Зачем тебе? – она заворочалась, устраиваясь удобней и вытаскивая из-под себя скомкавшийся рукав спецовки, которую Юрка предусмотрительно расстелил на металлическое дно кузова.

– Я и говорю, хорошо, что фамилию на Квасову поменяла, – он улыбнулся, утверждаясь в своём открытии и прибавляя газу. – Ты как думаешь, если я Верди, может у меня быть талант к игре?

– Все вы мастера играть, – Нюрка не поняла, куда клонит этот «шумахер», но помолчав добавила, – на нервах. Мой игрун тоже на днях свой талант проявил. Хочешь, говорит, фокус покажу? Я, как дура, и поверила, дала ему тысячу. Он скрутил бумажку в трубочку, завернул в газетку и поджёг, да ещё накрыл тарелочкой. Щас, говорит, вместо тыщи будет пять, снял чашку, а там пепел один: ни газеты, ни тысячи, ни пяти. Фокус не удался, тысячу он мне вернул, а аванс свой за июнь спалил. Кто-то над ним подшутил на работе, мол, покажи дома жене. Я его чуть не убила этой тарелкой. Зараза.

У Юрки затекла шея сидеть вполоборота к пассажирке, чтобы лучше слышать её страдания. Он отвернулся, вспомнив, что Квасов на днях хвалился в отряде фокусом под названием «оставь аванс себе» и крутил перед носом новенькой пятитысячной купюрой, вызывая чувство глубокого раскаяния в душах мужиков, что зря поспешили безвозвратно расстаться с кровно заработанными, вручив их дальнейшую судьбу в загребущие руки своих баб.

– Он и сам два дня ходит, как в воду опущенный. Переживает, – Нюрка кряхтя выбиралась из кузова мотороллера, растирая затекшую спину. – Наверное, курица не на что купить. Отдам ему тысячу, жалко на мужика смотреть.

– А? – переспросил Юрка.

– Спасибо, говорю, что подвёз. А что ты всё переспрашиваешь?

– А? – он нагнулся к ней.

– Езжай к чертям собачим, тетеря глухая, – благословила его Нюрка и, подхватив пакеты направилась к калитке, отталкивая ногой пса, бросившегося навстречу к хозяйке.

– А! Так бы сразу и сказала, – Юрка развернулся и поехал к дому.

Варвара хлопотала на кухне. Она работала почтальоном, но машина с корреспонденцией из райцентра задерживалась, и ей пришлось перенести свой поход по редким подписчикам на следующий день:

– Ты чего так рано?

– А? – он присел за стол, собираясь пообедать.

– Есть будешь? – не поворачиваясь, спросила она.

– Ухо болит, ребята бак варили, а мне досталось, – пожаловался Юрка, нарезая буханку хлеба. – Ты есть будешь?

– Нет, я только что поела. А чего с ухом-то?

– Нарезал хлеб на твою долю, – ответил он, ожидая, когда жена поставит тарелку на стол.

– Ну-ка, покажи! – Варвара ухватилась за мочку, поворачивая голову к окну.

– Тише ты, оторвёшь, – зароптал Юрий, ожидая вердикта супруги.

Варька отпустила ухо и ехидно захихикала:

– Теперь ты настоящий Моцарт, такой же глухой, как пешка.

– Сама ты пешка, – обиделся Юрка, разобрав по губам смысл её слов. – Это Шопен был глухим, а Моцарт слепым.

– Этого ещё не хватало, – возмутилась Варвара, что прозвучало как угроза, мол, «только попробуй ослепнуть, я тебе тогда покажу». – К медичке сходи, пусть посмотрит.

– Нет её, на курорт умотала, – отверг он её предложение, зачерпывая ложкой щи. – Вечером к Ползункову схожу, может что подскажет.

– Ещё чего надумал! – Варька всплеснула руками. – Он поросёнка чуть зайкой не сделал, а ты к нему лечиться пойдёшь. В больницу езжай, инвалидность проси, какая-никакая польза от твоих ушей будет. Ты что, не мог больным ухом к взрыву повернуться? Коли добивать, так одно, всё равно оно у тебя ни хрена не слышало, а теперь оба никуда не годятся.

Юрка сидел, повернувшись к жене контуженной стороной. Он слышал, что она сочувствует его горю, но не понимал ни слов, ни выражений, однако, судя по интонации, переживала жена за него сильно.

Поев, он известил Варвару, что приляжет отдохнуть на часок, но проспал целых три и проснулся под вечер, удивлённый, что его никто не будит.

– Витька приходил, справлялся о тебе, – известила жена, когда он вышел во двор.

– Ушёл?

– В баню пошёл, сегодня же четверг. Может и тебе сходить помыться, чем к Ползункову идти? Я бы бельё заодно постирала, – она опасалась, что муж «нахрюкается» с вете-

ринаром, как в прошлый раз, когда прививки поросётам делали.

– Ладно, только на двор схожу, – Юрка потянулся, прислушиваясь к себе, и направился к уличному туалету. Звон в голове не стих, но ему показалось, что он начал привыкать к этому стрекотанию, словно за спиной работала веялка в полную силу.

Устроившись поудобнее, Юрка развернул старый журнал «Вокруг света», сохранившийся в целости с незапамятных времён по причине невозможного использования гладких листов по назначению.

Через полчаса, после полного погружения в статью про чудеса далёкой и загадочной Шри-Ланки, которую ему приходилось перечитывать в сотый раз, он услышал зычный ор Варвары.

– Ты скоро там свою симфонию сочинишь, композитор чёртов! Дети с улицы пришли, освобождай уборную!

По тропинке бежал младший сынок Павлик:

– Па, ты, правда, оглох?

– Иди, иди, куда бежал, – Юрка подтолкнул его к туалету, а сам свернул в сарай, чтобы забрать дубовый веник и отправиться, наконец, в баню, в надежде отпарить мозги и вернуть потерянный слух.

– Па, а если я тебя дураком назову, ты услышишь или нет? – раздался сзади голос Павлика.

– Я тебе назову, – грозно предупредила с крыльца Вар-

вара. – Иди лучше кроликам клевера нарви, вон, корзина у бочки с водой.

– Пошёл я, – предупредил Юрка жену, закрывая калитку. – Может легче станет.

– Поди, не парься сильно, а то, знаю я тебя, – Варька согласно кивнула головой, оставаясь со старшей дочерью на крыльце перебирать клубнику в большом алюминиевом тазу.

В общественной бане уже было много желающих попариться и смыть с себя груз летних трудовых будней.

– Моцарт, иди сюда, я тебе местечко занял, – Витька приветливо махнул рукой, приглашая сложить бельё в его шкафчик, стоящий за спиной. Надо сказать, что из всего числа банившихся в тот день, настоящих любителей пара было по пальцам пересчитать, но все ждали главного парильщика. К вящей радости Юрки, Ползунков был на месте. Это благодаря ему, воздух в парилке был ароматным и пряным. Ветврач приносил с собой склянки с жидкостью для отпаивания телят, которые он пополнял из больших бочек со склада на ферме. Разбавив водой и плеснув на каменку пахучую жидкость, Ползунков давал сигнал остальным товарищам, стоящим возле полка в ожидании:

– Можно!

Все начинали остервенело хлестать себя вениками в облаках пара с запахом валерьяны, мяты и ещё чего-то хлебного и душистого, чтобы вскоре выскочить из пышущей жаром

душегубки и броситься в душ под ледяные струи воды. Последним, как и положено капитану, выбирался Ползунков, крикая и всем своим видом показывая, мог бы ещё, но не хочу.

Юрка подсел к нему в минуту отдыха и ожидания следующего захода в парную:

– Шура, ты в ушах понимаешь что-нибудь?

– А что в них понимать? Чего в голове нет, того к ушам не пришьёшь, – Ползунков глотнул из пластиковой бутылки кваску и протянул Верди. – Будешь?

– Не, сегодня немного бабахнуло в гараже, у меня ухо заложило и в голове звенит, – Юрка придвинулся поближе. – Может посмотришь?

– Что, прямо здесь? – Ползунков слегка отодвинулся и устался на него. – Слушай, Моцарт, а если бы у тебя в заднице засвербило, ты тоже предложил мне тебя здесь обследовать?

– Сравнил тоже, где задница, а где ухо, – Юрке отступать было некуда. – Ну что, будешь смотреть?

– Знаешь, давай после бани к тебе зайдём, по чарочке с устатку пропустим и там посмотрим твоё ухо, – предложил Ползунков компромиссное решение и вопросительно посмотрел на Юрку. – Идёт?

– Не идёт, – отрезал Верди. – Варвара до сих пор вспоминает мне твой последний приход. Лучше я к тебе приду, у меня бутылка припрятана.

По весне Ползунков обходил подворья в рамках вакцинации поголовья домашнего скота. Не стал исключением и двор Верди. Поздняя весна не позволила как следует просохнуть калде, а выпущенные на волю свиньи вспахали землю, превратив загон в топкое болото. Хозяйничал в этом поросычем царстве боров по прозвищу Скрипач. При почёсывании об огромную деревянную колоду, расположенную по центру выгона, он издавал звуки, похожие на те, что можно извлечь из расстроенной скрипки. Вот Юрка и подумал, должен же кто-то ещё составить ему компанию в семье «музыканта».

Ползунков натянул высокие резиновые сапоги до колен, разложил коробочки со шприцами на табуретку, доставленную по такому случаю из дома.

– Иди, накрывай на стол, – скомандовал он хозяину, направляясь к загону. – Да, грязновато у вас тут. Иди, иди, не переживай за своих оглоедов, без тебя справлюсь.

Юрка ушёл в дом, чтобы подготовиться к угощению врача. А что готовиться? Варвара с утра пожарила солянку из квашеной капусты, картошки и свиной печени, осталось достать из подпола банку с солёными огурцами, да сала нарезать. Бутыль с перваком уже стояла на столе.

С улицы послышался визг, затем крик, неожиданно обрвавшийся на самой высокой ноте. Юрка отложил приготовления, решив взглянуть на проделанную Ползунковым работу.

Ветврач сидел верхом на колоде среди обезумевших сви-

ней, осаждавших незваного гостя со всех сторон. Ползунков был бос, лишь с одной ноги свисал носок, но и он был сорван особо нахальной свинкой. Хряк догрызал сапог, стоя поодаль, в холке у него болтались два шприца, наполненных жидкостью.

– А ты чего разулся-то? – крикнул Юрка с крыльца осаждённого бедолаге. – Теперь ноги испачкаешь.

– Моцарт, выручай меня от этих зверей, – завопил Ползунков, видя, как с тыла подбирается к штанам всё та же настёрная свинка.

– Щас, доску какую-нибудь найду, чтобы не утонуть. Я их сам побаиваюсь. Дроблёнка кончилась, а новой не намолот. Приходится просом кормить, а с него, сам знаешь, немудрено озвереть.

– Кончай болтать, выручай меня, ты не видишь, что они хотят ...

Ползунков не успел завершить свой призыв к спасению, как Скрипач, разделавшись с сапогом, бросился к колоде и свалил её вместе с заложником в трясину.

Одним словом, вместо застолья пришлось Юрке битый час купать врача под садовым душем и неделю слушать увещевания Варвары на предмет «загвазданной» кабинки ...

После того, как они, отведя не единожды душу в парилке и оставив от дубовых веников измочаленные жидкие прутья, завершили банный вечер, Юрка заскочил домой, чтобы прихватить припрятанную в сарае бутылку с самогоном:

не идти же ему на столь ответственную процедуру осмотра многострадальных ушей с пустыми руками.

– Куда? – только и успела крикнуть ему вслед жена, а Моцарт уже мчался к кустам сирени, где затаилось местное светило «скотской» медицины – Шура Ползунков, заслуженно опасющийся Варварину тяжёлую руку.

– Веник тебе зачем? – врач кивнул на зажатый под мышкой веник.

– Чтобы Варьку дезавуировать, – пояснил Юрка. – Скажу, что не допарился.

– Как у вас всё строго, – то ли удивился, то ли одобрил Ползунков. Жена съехала от него в город, не выдержав тягот деревенской жизни, поэтому семейные заморочки и условности были для него в диковинку.

– Присаживайся, – хозяин дома придвинул Юрке табуретку, когда они вошли в терраску, а сам направился к рукомойнику и стал тщательно мыть руки с мылом.

– Ты чего? Мы же только после бани, – заволновался Верди, поглядывая на приготовления врача, зазвеневшего медицинским инструментом, разложенным на тряпице. – Может вмажем для начала.

– Не бзди! – откликнулся Ползунков из-за занавески. – Мы используем малоинвазивный метод проникновения в ушную полость, а, значит, обезболивающее нам потребуется, но позже, когда операцию завершим.

– Какую ещё операцию? Я тебя просил посмотреть в ухо, –

заёрзал пациент и выдернул пробку из горлышка бутылки. Кислый самогонный запах шибанул в нос, выбивая своей крепостью искреннюю Юркину слезу.

«Надо же, какая косорыловка? Не буду больше из патоки гнать, только из свёклы», – он передёрнулся и опрокинул в себя мензурку, заполненную наполовину. Внутри обожгло, а, спустя минуту, непрерывный звон последовал следом за спиртным, словно в мозгах открыли какой-то спускной клапан прямого сообщения с желудком.

– Шура, может не будем? – осторожно поинтересовался он у эскулапа, продолжающего за занавеской готовиться к операции. – Кажется, мне полегчало и шум прошёл.

Ползунков ответил что-то неразборчиво, продолжая готовиться к починке Юркиных локаторов.

– А?

– Тебе кажется, что прошло, адреналин глушит симптомы, – ветеринар выглянул из-за занавески, зацепившись взглядом за мензурку в руке «глухаря».

– Не пил я никакого адреналина, только самогонки чуток.

– У меня всё готово, – торжественно произнёс ветврач, выходя из-за ширмы. В руке он держал синюю резиновую грушу с белым наконечником.

– Так клизму вроде в другое место вставляют, – опешил Юрка от такого поворота событий. – Ты не забыл? У меня ухо болит, а не ...

– Мы спринцовкой создадим вакуум. Сожмём, прислоним

её к перепонке и засосём в себя. Перепонка выпрямится и продолжит выполнять свою функцию. Понял? – не выпуская «грушу» из руки, Ползунков начал закатывать рукава, приближаясь к Юрке.

– Логично, только ты поосторожнее там шуруди, не проткни лишнего, – он наклонил голову, подставляя ухо под «малоинвазивную» приспособу ветеринара.

– Тяжёлый случай, не сосётся, – вздохнул Ползунков после нескольких попыток выпрямить Юркину перепонку. – Подожди, сейчас фонарик возьму, оглядеть надо твою слуховую трубу.

Посветив недолго, он выключил свет фонаря, налил полную мензурку, выпил и снова вздохнул:

– Едри твою за ногу, что же это мы без закуски сидим, подожди, колбаски порежу, огурчики.

– Шура, не томи, чего увидел? – Юрка привстал, не ожидая ничего доброго от неожиданной угодливости хозяина.

– В том-то и беда, Моцарт, что ничего не увидел, – Ползунков налил ещё, опрокинул в себя, отдышался и икнул. – Паточная самогонка, крепкая зараза. В больницу тебе надо, мой друг. Все рецепторы у тебя в ухе взрывной волной сдуло. Как есть, ни одного! Хоть бы один заваливающий остался, ан нет. Не повезло.

Юрка сник. Как-то расхотелось пить самогон и вести задушевные беседы, как это бывало раньше:

– Пойду я. К кому там в больнице обращаться?

– Сначала в регистратуру, так, мол, и так. Потом к отоларингологу, – Ползунков с сожалением смотрел на бутылку.

– Оставь, – Верди махнул рукой. – Как, говоришь, доктора зовут?

Ветеринара заметно развезло:

– Ото..., отра..., а, ладно, там ухо будет нарисовано. Смело заходи ...

– С лёгким паром! – у калитки его встречала супруга, уткнув кулаки в бока.

Юрка вздрогнул, чуть не наткнувшись в темноте на жену, но вместо привычных оправданий за поздний приход выдал неожиданно для себя:

– В больницу я ложусь, Варвара. Всё в ухе вырвано с мясом, оперировать будут.

Варька, заготовившая пару ядрёных эпитетов по случаю встречи любезного супруга, осеклась и спросила с сомнением в голосе:

– Кто это тебе сказал? Наш коновал, что ли?

– Ты знаешь, как клапана гнутся от удара поршнем? Не знаешь, а туда же, – развёл Юрка руками, укоряя Варьку за дремучесть и пытаясь обнять её от переизбытка чувств и жалости к себе. – Вот и у меня в ухе все хреновины, типа клапанов, загнуло.

– Хватит дирижировать! – пресекла она на корню его сантименты и, подталкивая в спину, проводила в дом. – Спать ложись, завтра разберёмся с твоими ушами.

– Ты разберёшься, ты со своими ..., – Юрка попытался поперечить, но почувствовал, что чертовски устал от впечатлений и переживаний, кое-как разделся и лёг в кровать.

Утренний рейсовый автобус остановился возле районной больницы, ссаживая пассажиров и трогаясь дальше по маршруту. Верди пристроился в хвост толпы, спешащей записаться на приём к докторам, но, вспомнив про утреннее наставление жены, ускорился и первым подскочил к окошку регистратуры, справившись у стоящей впереди женщины:

– Тоже с ушами?

– С какими ушами? – женщина повернулась и осмотрела его с ног до головы.

– С человечьими, чьими ещё?

– Нет, я к гинекологу, держитесь за мной.

– Он тоже уши смотрит?

В очереди захихикали, мужик возле окошка прокомментировал в ожидании талона:

– Там другие уши смотрят.

– Так она сказала, чтобы я за неё держался, – возмутился Юрка.

– Не за меня, а за мной, – женщина покосилась на него, отступая на полшага.

Через некоторое время, оказавшись у стойки, он протянул паспорт:

– Мне бы туда, где уши смотрят?

Девушка полистала его документ, пощёлкала по клавиша-

туре наманикюренным пальчиком с выкрашенным в чёрный цвет ноготком.

– Молотком отбила? – решил посочувствовать Юрка.

– Что? – девушка подняла на него глаза.

«Наверное, тоже с ушами проблема», – подумал он, но вслух повторил:

– Говорю, тоже палец молотком отбила? Я в прошлом году сильно себе заехал. Ихтиолкой спасался, но ноготь всё равно слез.

– Какой молоток, мужчина? Вас в базе нет! Вы когда в последний раз на приёме были? – Щёки красавицы заалели, и она поджала указательный пальчик в кулачок.

– Не был никогда, – простодушно пояснил Юрка, обмирая внутри, что не допустят до ушного доктора.

– Счастливый, – вздохнула очередь с завистью.

– Подождите, – девушка поднялась с кресла, забирая с собой его паспорт.

– А? Куда идти?

– Ждите, сейчас узнаю, что с вами делать, – прокричала она в окошко и вышла, сея в очередниках лёгкий ропот недовольства.

Вскоре регистратор вернулась и, заполнив карточку, протянула в окно кипу бумажек:

– Начните с флюорографии, а дальше – по ситуации.

Кабинет, где ему предложили раздеться и войти в кабинку, вызвал у Юрки неподдельный интерес. «Не случайно

Варвара предложила надеть новое исподнее», – подумал он, топчась у порога в нерешительности.

– Ну, что же вы?

– Трусы тоже снимать? – Юрка беспомощно озирался по сторонам в поисках какого-нибудь укрытия. Чувство стыда не позволяло ему даже в новых трусах взять и раздеться при незнакомом человеке.

Доктор стусевалась:

– Нет, только до пояса. Вы в первый раз?

– Почему в первый? В военкомате догола раздевали, – пояснил Юрка, испытывая облегчение.

– Там – другое дело. Видимо, комплексный медицинский осмотр был. Вдохнуть, не дышать, – скомандовала врачиха. – Можете выходить.

– Дышать можно, – он почувствовал, что сейчас лопнет от переполнявшего лёгкие воздуха.

– Конечно, – улыбнулась доктор, просматривая его бумажки. – Вам сейчас надо сходить на анализы, а потом к урологу в рамках планового медосмотра. Что же вы, гражданин, так долго к нам шли?

– Я на автобусе приехал, к вам пешком фиг доберёшься.

Он вышел из кабинета, ища талон на загадочное «ЗППП». Рассматривать кипу бумажек было неудобно, Юрка присел на лавку, стоявшую вдоль стены. Народ клубился возле кабинетов, что-то обсуждая между собой в ожидании приёма к врачу.

– Сынок, не твои документы упали, – уборщица со шваброй подняла выпавшие из стопки талоны. – Не роняй, а то без них не примут.

– Не знаешь, где этот з-п-п искать?

Работница покрутила в руках белый квадратик и со знанием дела сказала:

– Тебе к неврологу надо, они это дело лечат. Пойди в шестой кабинет, там народу мало, быстро примешься.

Юрка поблагодарил и отправился к указанным дверям. В помещении сидели двое. Одна из женщин, что постарше и посимпатичнее, усадила его на стул:

– Что беспокоит?

– Дождя нет, озимые плохо растут. Боюсь, что, как в прошлом году, не доберём до плана, а яровые – и того хуже.

Помощница, которая что-то непрерывно писала, подняла голову и вопросительно посмотрела на первую.

– Хорошо, – согласилась та, что посимпатичнее.

– Что же тут хорошего? – не согласился Юрка. – Фуража не будет, с чем на ферме зимовать? Да и домашней скотине тоже хлеб нужен.

– А что лично вас беспокоит?

– Меня-то? Меня ухо беспокоит. Вы по ушам специалист?

– В каком-то смысле – да, – уклончиво ответила доктор и взяла в руки маленький молоточек. – Не поворачивая головы следите глазами за моими движениями.

– Как это? – не понял Юрка. Ему показалось, что она сей-

час совершит какие-то движения, за которые ей будет потом стыдно. «Вон, и пуговичка на груди расстегнулась». Верди обеспокоенно посмотрел на медсестру, продолжающую писать своё бесконечное письмо.

– Вы не туда смотрите, надо на рефлекторный инструмент смотреть.

– Я-то посмотрю, а когда вы мне уши посмотрите? – Юрка занервничал, чувствуя, что ему пытаются подыскать подходящую болячку. «Ещё признают дуриком и работы лишат. Варвара убьёт меня тогда».

Когда обследование завершилось, доктор взглянула на его направление и рассмеялась:

– Так вам надо анализы сдать на выявление заболеваний, передающихся половым путём, а вы ко мне забрели.

– СПИД, что ли? – встревожился Юрка. – Откуда он у меня возьмётся?

– Так положено, – терпеливо пояснила доктор, подталкивая его к дверям. – Вдруг вы к нам ещё сорок лет не заявитесь. Не забудьте к урологу зайти: прямо по коридору и налево. Тимофей Трофимович наверняка уже ждёт вас не дождётся.

– Откуда он меня знает? – Юрке польстило, что его ждёт незнакомый врач. Обычно его поджидали только бригадир на работу и Варвара с работы, и что примечательно – всегда с претензиями и кислыми физиономиями.

– Он всех знает, специализация у него такая, – снова

уклончиво ответила доктор и пожелала ему хорошего дня.

– Мне бы Трофима Тимофеевича! – громко объявил Юрка, едва открыв дверь в кабинет к урологу. – Он меня ждёт!

– Тише вы, – одёрнула его толстая тётка в зелёном халате, что-то переставляющая с места на место в шкафу. – Доктора зовут Тимофей Трофимович, сейчас он освободится и будет вас обследовать.

– Слава богу, а то уж я решил, что до моих ушей сегодня очередь не дойдёт, – Юрка обрадовался и присел на кушетку, застеленную бежевой клеёнкой.

– Кто тут по мне соскучился? – могучий усатый дядька лет пятидесяти с небольшим возник в дверях смежного кабинета, выпуская пациента, застёгивающего ремень на брюках.

«Неужто снова раздеваться?» – метнулось в звенящей голове, но вслух Юрка рассудительно произнёс, надеясь, что грозный с виду доктор расценит юмор долгожданного посетителя. – Не сказать, что я по вам соскучился, но ухо посмотреть не мешало бы.

– О как! – здоровяк в белом халате вздёрнул брови, вместе с ними взлетели и пышные кончики усов. – За тридцатилетнюю практику первый раз слышу, чтобы путь исследования ухом называли. Чудно, батенька, но аллегория удалась, скажу я вам, обязательно возьму на вооружение. Заходи!

Доктор сделал жест рукой, приглашая Юрку войти и закрывая за ним дверь.

– Ну-с, подставляйте ваше ушко, – Тимофей Трофимович

подошёл к окну, натягивая на ладони тонкие перчатки. – Что же вы застыли, любезный? Смелее, спускайте штаны, становитесь на колени и разведите руками в сторону ...

Юрка всё понял: и коварство невролога, «ишь, как мягко стелила», и метафоры уролога, «мог бы и предупредить, что не уши будет щупать. Ладно, один раз – не п...».

Он встал на колени и развёл руки в стороны.

– Нет, батенька, так дело не пойдёт. Что вы мне тут аэроплан изображаете? Я говорю, разведите руками ягодицы, – доктор диктовал за спиной последовательность действий для раздавленного унижением Юрки.

Когда всё завершилось, он, натягивая штаны, презрительно посмотрел на эскулапа:

– Не пойму я вас, врачей: один с клизмой в ухо лезет, другой – пальцем в задницу, а результат один, как оно у меня не слышало, так и не слышит.

– Да не расстраивайся ты так из-за своих ушей, главное, чтобы всё остальное работало безупречно, – Тимофей Трофимович размашисто писал в Юркиных бумажках. – Лучше скажи, ты с женой живёшь?

«Зачем ему это знать?» – подумал Верди, но ответил. – Живу, куда она от меня денется.

– Я имею ввиду, живёте ли вы половой жизнью? – доктор оторвался от своей писанины.

– А! Живу, куда я от неё денусь, – в задумчивости откликнулся Юрка. – Зачем это вам?

– Микстурки для профилактики прописал, чтобы не только уши работали. Запомни, мой тугослышащий друг, всё в организме взаимосвязано. Я уверен, что положил начало твоему скорейшему выздоровлению, – Тимофей Трофимович протянул бумаги. – Береги своё мужское сердце, оно тебе ещё пригодится. А уши? Что на это сказать? Лично мне порой хочется, чтобы их у меня надолго заложило. Так что, я тебе немного завидую.

Продолжая поиск нужного кабинета, Верди увидел на двери плакат с изображением огромного уха. Не вчитываясь в написанное на постере, ему вспомнилось напутствие Ползункова: «Увидишь ухо – смело входи».

И Юрка вошёл, без стука, без разрешения. Всё-таки сила убеждения – великая вещь!

Женский вопль и обнажённое тело заставили его немедленно ретироваться. Он выскочил в коридор и застыл дезориентированный, совершенно забыв, куда и зачем шёл.

– Вы, видимо, ко мне молодой человек? – вкрадчивый голос за спиной заставил Юрку развернуться.

– Не знаю, мне бы ухо посмотреть, – он покосился на кабинет, из которого только что выскочил. – Вы в ушах понимаете?

– Я во всём понимаю, – «девушка» лет восьмидесяти подобно сирене манила Юрку в свою обитель. – Проходите, не обращайтесь внимания, у них в смотровом часто такое случается.

Она усадила его в массажное кресло, обтянутое чёрной блестящей кожей, задёрнула шторы и включила аромалампу.

– Не знаете, зачем они ухо на дверь приклеили? – Юрка заёрзал в кресле, поворачиваясь к пожилой врачевательнице.

– А вы бы что хотели приклеить? – старушка водила ладонями над Юркиной головой.

– Не знаю, – он пожал плечами, – у вас тут всё через ухо делается?

– Ну, почему же? Я, например, воздействую через подсолнечное масло. Что вы сейчас чувствуете? – её пассы руками ускорились.

«Как вкусно пахнет апельсинами. Надо такую Варваре подарить на восьмое марта», – глаза слипались от усталости, а он ещё не нашёл ушного врача.

– Почему вы всё время ворочаетесь? Ответьте, что чувствуете? – скрипучий голос выдернул Юрку из дремоты. – Вы ощущаете, как от моих рук исходит тепло?

После вероломного вторжения Тимофея Трофимовича в его недра и перекатывающихся под кожей сиденья многочисленных массажных шаров, внутри зачесалось, и он честно признался:

– Конечно ощущаю, в заднице что-то свербит.

Кресло завизжало и замерло:

– Поднимайтесь, сеанс закончен! С вас тысячу шестьсот рублей!

– С какого это? – возмутился Верди, резко отряхиваясь от неги.

– За оказанную услугу, – известь посыпалась с дряблых щёк новоявленного «пеннивайза», ярко покрашенные губы хищно изогнулись.

– Ой, боюсь-боюсь, – Юрка попятился к двери от протянутых к нему рук экстрасенса. – Вы, бабуля, в своём уме? У меня на обратную дорогу всего триста рэ с мелочью осталось, а вы про тыщу гутарите. За посиделки на вашем стуле, так и быть, заплачу, за всем остальным идите к Пушкину.

Он зачерпнул из кармана пригоршню и вывалил на стол мелочь вместе с махоркой от осыпавшихся папирос ...

– Следующий, – послышалось из-за двери.

– Точно ушной кабинет? – Юрка просунул голову в открытую дверь.

– Точнее некуда, входите, рассказывайте про свои уши, – женщина с зеркалом во лбу приготовилась выслушать жалобу пациента.

– Откуда вы знаете, что у меня уши? Может горло болит или нос, – ему не хотелось терять напрасно время, ведь до отправления автобуса домой оставалось не более получаса.

– Вы сами спросили про «ушной» кабинет, – пояснила доктор.

– Мне бы инвалидность оформить, – Юрка вспомнил наказ Варвары.

– За инвалидностью вы к нам придёте, когда уши отвалят-

ся, а сейчас мы посмотрим, чем можно вам помочь, – она осмотрела Юркины «локаторы», немного помолчала. – У вас были травмы в прошлом?

– Что, все рецепторы снесло? В прошлом году ключом разводным заехал по кумполу.

– Ясно. Нет, рецепторы мы сейчас не увидим, а процедуру на ухо сделаем, – она поднялась со стула и обратилась к помощнице. – Мария Ивановна, готовьте промывание.

Минут через десять Юрка сидел обновлённый, словно вату вынули из головы, и держал на ладони нечто, похожее на восковую куколку:

– Мне её за печку выбросить?

– На память, – засмеялась врач. – Это зубы за печку бросают, чтобы новые выросли. А уши поберегите от звуков громких и ключей, я вам капли выписала.

– Спасибо большое, – он завернул «куколку» в носовой платок и засунул в карман. – Сколько я вам должен?

– Ничего не должны, это входит в медицинскую страховку. Идите и не болейте.

Автобус давно ушёл, и Юрке пришлось добираться до села на попутке. Он попросил водителя тормознуть возле околицы и, рассчитавшись, зашагал к дому.

Смеркалось. Тёплый вечер плыл над селом, окрашивая в малиновый цвет пыльный след от деревенского стада. «Варвара будет ругаться, что не купил крышки для консервирования».

– Здорово, Моцарт! Ты на работу завтра выйдешь, а то Степаныч спрашивал про тебя? – поприветствовал Юрку знакомый на велосипеде. Верди махнул в ответ рукой. «Бригадир завтра начнёт мораль читать, век бы его не слышать».

Он вдруг остановился, достал из кармана платочек и развернул: «куколка» была на месте. Юрка немного подумал и сунул восковую затычку в ухо, для верности затолкав её поглубже указательным пальцем, а потом бодро зашагал к дому, горлая на весь порядок:

– Я счастливый лет уж сто, я счастливый, как никто. Я счастливый, я не вру ...